

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157411

Аннотация

К сорока двум годам он добился в жизни всего, о чём мечтал с детства: значимости, уверенности в себе, признания. Единственный из всего городка, где вырос. Но для того, чтобы его жизнь стала такой, какой есть, он должен вернуться... на 35 лет назад. Найти себя семилетнего, когда ещё ничего не началось, ничего не определилось, и найти ту точку в своей жизни, где он вышел на путь успеха, где он свернул с той тропы, по которой пошли все его сверстники по пути к взрослой неудавшейся жизни...

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

Вот и случилось... Странно, неправдоподобно, но я стоял во дворе дома, где жил до семи лет. Без тринадцати минут полночь, обычной, не волшебной зимней ночью, я снова оказался в городе, который когда-то удерживал меня до тех пор, пока я не смог убежать. Огайо, зима, около полуночи... Конечно, я мог вернуться.

Во время, которое... которое было тогда.

Я не понимал, почему я хотел вернуться. Просто знал, что мог. Без волшебства, без науки, без алхимии, без всяких сверхъестественных вмешательств. Просто вернуться. Потому что... мне было надо.

Назад... на тридцать пять лет и еще немного. Найти себя семилетнего, когда еще ничего не началось, не определились направления, найти ту точку в моей жизни, где я свернул с пути, по которому пошли к взрослой жизни мои сверстники, а я вышел на путь успеха и одиночества, приведший меня сюда, к началу, во двор, теперь уже без двенадцати минут полночь.

В сорок два года я добился всего, о чем мечтал с детства: уверенности в себе, значимости, признания. Единственный из всего города. А те, кто в школе подавал самые большие

надежды, стали молочниками, торговцами старыми машинами, женились на толстых, глупых, мертвых бабах, которые тоже подавали большие надежды в школе. Они попались в мышеловку крошечного городка в штате Огайо и не смогли из нее выбраться. Здесь и умрут, никому не ведомые. А я вырвался и совершил все замечательные вещи, которые мечтал совершить.

Почему же сейчас мне тревожно?

Может, потому, что близится Рождество, а позади разбитые браки и потерянная дружба?

Я оставил в кабинете еще не просохший договор на пятьдесят тысяч долларов, сел в машину и приехал в международный аэропорт. Пошла непрерывная полоса самолетов, обедов в воздухе, взятых в аренду машин, наспех купленной зимней одежды. Прямиком на задний двор, который я не видел почти тридцать лет.

Прежде чем я соберусь назад, надо найти драгуна.

По замерзшей и хрустящей как целлофан траве я подошел к расщепленной молнией груше. Когда мне было семь, я без конца забирался на это дерево. Летом его ветки достигали крыши гаража. Я часто забирался на крышу, а один раз столкнулся с ней Джо Мамми. Не со зла, просто я часто спрыгивал с крыши, и мне казалось, что это должно нравиться всем. Джони растянул щиколотку, и его отец, пожарный, приходил меня искать. Я спрятался на крыше гаража.

Я обошел гараж. Вот и едва заметная тропинка. Рядом с

ней я всегда хоронил своих игрушечных солдатиков. Мне нравилось знать тайное место, а потом выкапывать их как найденное сокровище.

(Даже сейчас, став взрослым, я продолжаю делать то же самое. В японском ресторане я обязательно припрячу в чашке с рисом паккаи, ананас или териаки, а потом с удовольствием найду их палочками среди рисовых зерен.) Конечно, я помнил место. Опустившись на колени, я принялся копать землю серебряным перочинным ножиком на цепочке. Нож принадлежал моему отцу – по сути дела, единственная вещь, доставшаяся мне по наследству.

Земля была твердой, но я старался, а луна великолепно освещала все вокруг. Я копал глубже и глубже, зная, что рано или поздно натолкнусь на драгуна.

Он был на месте. Краска слезла, сабля превратилась в ржавый отросток. Я вытащил из выкопанной тридцать пять лет назад могилы маленького железного солдатика и тщательно вытер его батистовым носовым платком. Он лишился лица и выглядел так же печально, как я себя чувствовал.

Я сидел на корточках под луной и ждал, когда наступит полночь, до которой оставалась одна минута. Я чувствовал, что на этот раз все получится. После стольких лет.

Позади чернел безмолвный дом. Я не знал, кто в нем сейчас живет. Получится неловко, если его обитатели сейчас не спят и смотрят в окно. На свой двор. Я здесь играл, и здесь, из мечты и одиночества, я создал мир – пользуюсь талисма-

нами из комиксов, радиопрограмм, утренних кинофильмов и могущественных святынь, наподобие маленького драгуна. Но теперь двор принадлежал чужим людям.

Часы показывали ровно полночь. Одна стрелка накрыла другую.

Луна пропала. Постепенно превратилась в светло-серое пятно, а потом вовсе исчезла, так что нельзя было даже догадаться, где она прячется.

Ветер усилился. Налетел откуда-то издалека и уже не унимался. Я встал и поднял воротник. Ветер был ни холодный, ни теплый, он даже не шевелил моих волос.

Земля проседала – медленно, по миллиметру, но постоянно, словно нарощие слои прошлого исчезали один за другим.

Я думал о себе.

Я пришел спасти тебя. Я иду, Гус. Тебе больше не будет больно... никогда больше не будет больно.

Снова выглянула луна. Раньше она была полной, теперь стала молодой. Ветер затих. Он отнес меня куда мне было надо. Земля застыла. Годы соскоблились.

Я находился во дворе дома номер 89 на Хармон-драйв. Снег стал глубже. Дом был другой, хотя и тот же самый. Он не был свежеевыкрашенным. Депрессия закончилась совсем недавно, с деньгами по-прежнему было туго. Дом не выглядел совсем облупленным, но через год или два мой отец его покрасит. В светло-желтый цвет.

Под окном столовой росло дерево сумаха. Оно питалось бобами, супом и капустой.

– Не выйдешь из-за стола, пока не съешь все до последней капли. Мы не собираемся выбрасывать пищу. В России дети голодают.

Я положил драгуна в карман пальто. Он более чем добросовестно потрудился. Я обошел вокруг дома. И улыбнулся, снова увидев у задней двери деревянный молочный ящик. Очень рано, почти на заре, молочник поставит в него три бутылки, но, прежде чем кто-нибудь успеет их достать холодным декабрьским утром, сливки поднимутся и картонная крышечка будет на целый дюйм выше горлышка бутылки.

Под ногами скрипел гравий. На улице было тихо и холодно.

Я стоял посреди двора, возле большого дуба, и смотрел то вверх, то вниз.

Дуб не изменился. Как будто я никуда и не уезжал.

Я заплакал. Здравствуй.

Гус раскачивался на качелях на игровой площадке. Я стоял за забором средней школы Лэтроп и наблюдал, как он вцепился руками в веревки и изо всех сил упирается маленькими ножками в скамейку. Он был меньше, чем я его помнил.

Стараясь раскачаться повыше, он не улыбался. Для него это было серьезно.

Стоя за забором и наблюдая за Гусом, я был счастлив.

Я почесал сыпь на правой кисти и закурил сигарету. Я был

счастлив.

Я не видел их, пока они не выскочили из кустов прямо рядом с ним.

Первый подскочил к качелям и ухватил Гуса за ногу, стараясь стянуть его на землю. Гус удержался, но веревки перекрутились, и качели ударились о металлическую опору. Гус полетел в грязь, перекувырнулся и постарался сесть. Мальчишки окружили его. Вперед выступил Джек Уилдон.

Я помню Джека Уилдона.

Он был выше Гуса. Собственно говоря, все были выше Гуса, но Уилдон был еще и мясистее. Я видел витающие над ним тени. Тени мальчика, которому предстоит стать мужиком с огромным брюхом и толстыми руками. А вот глаза останутся такими же.

Он пихнул Гуса в лицо. Гус отлетел, пригнулся и бросился на обидчика. Сжав маленькие кулачки, он нырнул и ударил Уилдона в живот, после чего, наподобие неумелых борцов, враги сцепились в клубках пыли.

Какой-то мальчишка выскочил из круга и сильно ударил Гуса в затылок. Гус обернулся, и в следующий момент Уилдон ударил его в губы. Гус заплакал.

Я хотел посмотреть, чем кончится, но он плакал...

Осмотревшись, я увидел справа от себя дыру в заборе. Выбросив сигарету, я нырнул в дыру и помчался к дальнему краю площадки, где мальчишки уже пинали его ногами.

Увидев меня, они бросились наутек. Джек Уилдон задер-

жался еще на секунду, пнул Гуса в живот и побежал вслед за всеми.

Гус лежал на спине, пыль на его лице превратилась в грязь. Он не двигался, но ничего страшного с ним не случилось. Я отвел его в росший на краю площадки кустарник. Кусты скрыли нас от посторонних глаз, он лег на спину, а я протер платком его лицо. У Гуса были синие глаза. Я осторожно убрал со лба прядь прямых каштановых волос. Он носил подтяжки; одна из резинок порвалась, и я ее отстегнул.

Он открыл глаза и снова заплакал.

В груди у меня заныло.

Он сопел, не в состоянии успокоить дыхание. Потом попытался что-то сказать, но вместо слов вылетали лишь невнятные звуки – слишком много воздуха и боли было в легких.

Наконец Гус поднялся, сел и вытер нос.

Он посмотрел на меня. Показаться в таком виде было стыдно, позорно и некрасиво.

– Они у-ударили меня в спину, – сказал он, сопя.

– Я знаю. Я видел.

– Это вы их прогнали?

– Да.

Он не поблагодарил. В этом не было необходимости. От сидения на корточках ноги мои затекли. Я сел на землю.

– Меня зовут Гус. – Он старался быть вежливым.

Я не знал, какое имя ему назвать, и собирался выпалить

первое пришедшее в голову, но неожиданно для себя произнес:

– Меня зовут мистер Розенталь.

Он вздрогнул:

– Меня тоже так зовут. Гус Розенталь.

– Не странно ли? – промолвил я.

Мы улыбнулись друг другу, и он еще раз вытер нос.

Я не хотел видеть своих отца и мать. Я их помню. Этого достаточно. Я хотел побыть с маленьким Гусом. Но однажды ночью я пробрался на задний двор дома номер 89 по Хармондрайв на пустырь, где позже возведут пристройку.

Я стоял в темноте и смотрел, как они ужинали. Вот мой отец, Я не помню его таким красивым. Мать что-то ему говорит, а он ест и кивает. Они в столовой. Гус ленивоковыряется в тарелке.

Не портить пищу, Гус, иначе не разрешу слушать «Люкс представляет Голивуд».

Но у них идет «Утренний патруль».

Тем более не портить пищу.

– Мама, – пробормотал я, стоя на холоде, – мама, в России голодают дети.

Я встретил Гуса у киоска.

– Привет!

– О! Привет!

– Любишь комиксы?

– Угу.

– А ты читал «Человека-куклу» и «Малыша из вечности?» – Да, класс. Но они у меня есть.

– Только не последние выпуски.

– И последние тоже.

– Готов поспорить, у тебя есть только за прошлый месяц. Мы дождались, пока продавец просмотрит по списку все имеющиеся у него журналы, после чего я купил Гусу «Воздушного мальчика», «Комиксы Джингл Джэнгл», «Синего жука», «Комиксы Виза», «Человека-куклу» и «Малыша из вечности».

Потом я сводил его в Ислэй, где мы отведали мороженого с горячим сиропом. Мороженое подали в высоких бокалах, а сироп принесли в маленьком кувшине. Когда официантка отошла, маленький Гус спросил:

– Откуда вы знаете, что я люблю тертые орешки и не люблю взбитые сливки и вишню?

Я откинулся на спинку высокого стула и улыбнулся.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Не знаю, – он пожал плечами.

Кто-то опустил никель в автомат, и зазвучала «Нить жемчуга» Гленна Миллера.

– Ты когда-нибудь задумывался об этом?

– Нет... угу. Я люблю мультики, может быть, я стану рисовать комиксы.

– Это здорово, Гус. На искусстве можно заработать большие деньги.

Я оглядел молочное кафе: стены с плакатами кока-колы, милovidные девушки с мальчишескими прическами, нарисованными художником по имени Гарольд В. Мак-Коли; его стиль завоюет весь мир, а имя так и останется неизвестным.

Гус посмотрел на меня:

– Но ведь это еще и интересно, правда?

Я смутился. Я первым делом подумал о деньгах, а он – о счастье. Я добрался до него раньше, чем он избрал путь. Еще была возможность сделать из него человека, который всю жизнь будет вначале думать о радости.

Официантка принесла мороженое. Я рассчитался. Когда она отошла, Гус спросил:

– Почему они называют меня грязным еврейским слоном?

– Кто тебя так называет, Гус?

– Мальчишки.

– Те, с которыми ты тогда подрался?

– Да. Почему они говорят «слон»?

Я проглотил ложечку ванили, размышляя над вопросом.

Спина болела, а зуд распространился с правой кисти на предплечье.

– Полагают, что у евреев большие носы, Гус. – Я налил немного сиропа из кувшинчика. Сироп какое-то мгновение боролся с собственным поверхностным натяжением, потом темная шоколадная пленка разорвалась, и он залил три шарика настоящего сливочного мороженого. Не замороженно-го сахара с молоком, а настоящего мороженого.

– Я хочу сказать, что некоторые люди так думают. Поэтому они, очевидно, считают остроумным называть тебя словом, так как у слонов большие носы... хоботы. Понял?

– Это глупо. У меня же нос не большой, правда?

– Правда. Но они говорят это, чтобы тебя разозлить. Иногда люди так поступают.

– Но это же глупо.

Некоторое время мы сидели и разговаривали. Я вычерпывал длинной ложкой остатки шоколадного сиропа, под конец показавшегося мне совсем черным и даже горьковатым.

У Гуса в мороженом была ложка, пальцы, подбородок, футболка и макушка. Мы говорили о многом.

О том, как трудна арифметика (я и сейчас порой считаю на пальцах, заполняя чековую книжку). Как маленьким никогда не дают паса, когда команда проигрывает (все сомнения насчет своей внешности я компенсировал с женщинами). Как разная еда может быть одинаково безвкусной — (я до сих пор заливаю кетчупом хорошо прожаренный кусок мяса). Как одиноко жить, если по соседству нет друзей (я воздвиг вокруг себя стену гениальности и блеска, чтобы никто не смог проникнуть глубоко и причинить мне боль). Как Леон постоянно приглашает других детей к себе играть, а когда прибегает Гус, они потешаются из-за двери (до сих пор захлопнутая перед лицом дверь приводит меня в бешенство, а брошенная трубка — в бессмысленную ярость).

Как здорово, что есть комиксы (как легко продаются мои сценарии, потому что я так и не научился обузывать воображение).

Мы очень о многом поговорили.

– А теперь я отведу тебя домой, – сказал я.

– Хорошо.

Мы поднялись.

– Мистер Розенталь?

– И вытри лицо, ты весь в шоколаде.

Он вытерся.

– Мистер Розенталь, как вы узнали, что я люблю тертые орешки и не люблю взбитых сливок и вишню?

Мы провели вместе много времени. Я купил ему журнал под названием «Страшные истории» и прочитал рассказ про одного человека, которого похитили космические пираты, а потом предложили выбор: открыть один ящик, где находится его жена, и у нее будет воздуха только на двенадцать часов, или открыть другой, где сидит страшный грибок из неведомого мира, который съест его живьем.

Маленький Гус сидел на краю выкопанной им на заднем дворе ямы и качал ногами. Слушая приключения из рассказа Джека Уильямсона «Двенадцать часов жизни» на краю построенной им крепости, он хмурился.

Мы обсудили радиопередачи, которые Гус слушал каждый день: «Теннесси Джед», «Капитан Полночь», «Джек Армстронг», «Супермен», «Дон Уилсон на флоте». И вечер-

ние программы:

«Я обожаю тайны», «Загадки», «Приключения Сэма Спэйда». Потом перешли к воскресным передачам: «Тень», «Пожалуйста, успокойтесь», «Театр загадок Молле».

Мы подружились. Он рассказал о своем друге «мистере Розентале» родителям. За «Страшные истории» его, правда, отшлепали, так как решили, что книгу он все-таки украл. После этого Гус перестал рассказывать им обо мне. Так было лучше: связь между нами становилась сильнее.

Однажды после обеда мы гуляли за лесопилкой вокруг заросшего деревьями и травой старого пруда. Гус рассказал мне, что иногда ходит сюда купаться и ловить черную маслянистую рыбу с усами. Я объяснил: рыба называется сом. Ему это понравилось. Он любил узнавать названия предметов.

Мы сидели на бревнах, гниющих у черного зеркала воды, и Гус спросил меня, где я жил раньше, где я успел побывать и вообще.

– В тринадцать лет я убежал из дома, Гус.

– Вам там было плохо?

– И да и нет. Мать и отец меня любили. Правда. Они просто не понимали меня.

Шея жутко болела. Я потрогал пальцем. Фурункул. У меня давно не было фурункулов, несколько лет. С тех пор как...

– Что с вами, мистер Розенталь?

– Ничего, Гус. Так вот, я убежал и прибил к карно.

– Куда?

– К карнавалу. Мы побывали в Иллинойсе, Огайо, Пен-сильвании, Миссури, даже в Канзасе...

– Ух ты! Карнавал! Прямо как «Тоби Тайлор, или Десять недель с цирком!» А я плакал, когда убили обезьянку Тоби Тайлора, это самое плохое место. А вы что делали в цирке?

– В карнавале.

– Ну да. Что?

– Почти то же самое. Носил воду животным, хотя их было немного, в основном в представлении уродов. Но чаще всего мне приходилось убирать и носить еду артистам в их шатры. – Шатры?

– Ну да, ты же знаешь, как живут бродячие артисты.

– Ага, знаю. Продолжайте.

Сыпь распространилась до самого плеча. Зудело так, что не было сил, но, стоило посмотреть в аптеке на круглые деревянные подставки, где рекламировали зубную жидкость «Красную-красную губную помаду Танже» и чулки со швом сзади, как мне становилось ясно, что о бактайне и аэрозоли можно не спрашивать.

– Ну так вот, недалеко от К. С. балаган загремел, потому что в доме оказалось слишком много щипачей и верхушечников, не говоря уже о художниках...

Глаза у него широко раскрылись, я выжидательно замолчал.

– А это что, мистер Розенталь?

– Ага! Хороший бы из тебя получился карнавалыщик! Ты

даже языка не знаешь!

– Пожалуйста, мистер Розенталь! Пожалуйста, объясните!

– Так и быть. К.С. – это Канзас-Сити, или просто Канзас, штат Миссури, если речь не идет о Канзасе в штате Канзас. Правда, в первом случае на другом берегу будет Вестон. А загреметь означает сесть в тюрьму, а...

– Так вы были в тюрьме?

– Еще бы, маленький Гус! Но позволь уж закончить. Верушечники – это воры, крадущие из сумок, а щипачи – из карманов. Художниками называли людей, выписывающих фальшивые чеки. А дом – это труппа.

– Расскажите же, что случилось!

– Один из этих парней, щипач, вытащил бумажник у помощника окружного прокурора, после чего весь балаган бросили за решетку. Спустя некоторое время всех поотпускали под залог, за исключением меня и Гика. Меня, потому что я не называл свое имя, так как не хотел возвращаться домой, а Гика, потому что карнавал мог найти отморозенного в любом городе.

– Кем был Гик?

– Гик был шестидесятилетним алкоголиком. Он настолько пропился, что стал как зомби... отморозенный. В отчетах он шел как Вещь, жил в корзине, на представлениях откусывал головы змеям и курицам и нередко засыпал в собственном дерьме. И все это за бутылку джина в день. Меня поместили с ним в одну камеру. Запах... Запах спирта, сме-

шанный с испарениями немытого тела. Я не могу его забыть до сих пор. А на третий день он взбесился. Они не могли давать ему джин, и он взбесился. Залез на решетку и коло- тился головой о прутья и потолок до тех пор, пока не упал без чувств. Он хрипел и источал все тот же отвратительный запах. Лицо его напоминало кусок сырого мяса.

Боль в животе усилилась, я отвел Гуса на Хармон-драйв, а сам поплелся домой.

Мой вес упал до ста десяти фунтов. Одежда болталась как на вешалке. Прыщи и фурункулы добывали. Я пах лесным орехом. Поведение Гуса портилось.

Я понял, что происходит.

Я был чужим в своем прошлом. Один Бог знал, что мог- ло произойти с Гусом, если я останусь еще... Пора уходить. Возможно, просто исчезнуть. Тогда... оборвется ли на этом будущее Гуса? Этого я не мог знать, впрочем, выбора у меня не было. Надо возвращаться.

Но я не мог! Здесь я был счастливее, чем когда-либо прежде. Унижения и насилие, которым подвергался Гус, я прекратил. Они поняли, что у него есть поддержка. Но Гус становился все развинченнее. Он воровал из магазина оло- вынных солдатиков, таскал комиксы и постоянно перечил родителям. Мне надо было возвращаться.

Я сказал ему об этом в субботу. Мы ходили в «Лэйк- театр» смотреть «Людей-кошек» Вэла Льютона и вестерн с Лэш Ля Ру. После фильма я припарковал машину на Мен-

тор-авеню, и мы отправились бродить по огромному, темно-му и сырому парку.

– Мистер Розенталь? – обратился ко мне Гус. Выглядел он печальным.

– Да?

– У меня проблема, сэр.

– Что случилось, Гус? – Голова моя раскалывалась. Чуть выше правого глаза вонзилась игла давления.

– Мама собирается отдать меня в военное училище.

Я вспомнил. Господи, подумал я, как это было ужасно.

Самое глупое, что можно сделать в отношении такого ребенка, как Гус.

– Они говорят, это за то, что я непокорный. Хотят отдать меня на год или два. Мистер Розенталь... не разрешайте им. Я ведь ничего плохого не делал. Я просто хотел быть с вами. Сердце мое дрогнуло. Потом еще. И еще.

– Гус, мне пора уезжать.

Он уставился на меня. Потом я расслышал шепот:

– Заберите меня с собой, мистер Розенталь. Пожалуйста. Я так хочу увидеть Галвестон. Мы сможем возить динамит в Северной Каролине. Мы сможем поехать в Матавачан, Онтарио, Канаду и рубить деревья, мы можем ходить под парусами, мистер Розенталь!

– Гус...

– Мы можем устроить карнавал, мистер Розенталь. Можем собирать арахис и апельсины по всей стране. Можем ав-

тостопом добраться до Сан-Франциско, а там устроиться водителями трамваев. А можем поехать в товарном вагоне... Я даю честное слово не свешивать ноги. Я помню, что вы рассказывали про скользящие двери. Я буду сидеть в середине, честное слово, я...

Он плакал. Голова моя раскалывалась. Но он плакал!

– Мне надо уезжать, Гус!

– Вам все равно! – закричал он. – Вам безразлично, что со мной будет! Вам все равно, умру я или нет, вы не... Ему не надо было договаривать: вы не любите меня.

– Люблю, Гус, клянусь тебе Богом!

Я поднял на него глаза. Я думал, он мой друг. Но это было не так. Он хотел, чтобы они послали меня в военное училище.

– Да чтоб вы умерли! О-дорогой Гус, я уже умер!

Я повернулся и побежал из парка, а я стоял и смотрел, как он убегает.

Я сел в машину и тронулся с места. Огромный зеленый «плимут». Руль был страшно тугой. Вокруг все плыло. В глазах стоял туман. Я чувствовал, как распадаюсь. Несмотря на то что я оставил себя далеко позади, Гус выскочил из парка. Я вдруг подумал: почему я ничего не помнил раньше?

Отъезжая по Ментор-авеню, я выскочил из парка и увидел, как заводится огромный зеленый автомобиль. Нагнув голову, я кинулся вперед, быстрее, только успеть, только бы остаться с ним, с моим другом, со мной! Я отжал сцепление,

воткнул первую скорость и отъехал от обочины, едва я успел добежать до машины и броситься на правое заднее крыло. Я поднял ноги, изо всех сил цепляясь за замок багажника. Я петлял из стороны в сторону, глаза ничего не видели, все становилось вначале синим, потом зеленым, я понимал, что моя жизнь зависит от холодной, скользкой ручки багажника. Машины объезжали меня, отчаянно сигналив, предупреждая, что я забрался на багажник, но я не понимал, из-за чего они сигналив, и очень боялся, что по их сигналам я догадаюсь, что я сзади. После того как я проехал почти милю, сбоку пристроилась машина, и сидящая рядом с водителем женщина уставилась на меня, скорчившегося на заднем крыле. Я поднес закоченевший палец к губам – пожалуйста, не выдавайте, но она опустила стекло и помахала мне рукой. Я тоже опустил стекло, и женщина прокричала мне сквозь ветер, что я пристроился сзади, на крыле. Я свернул к обочине, страх обуял меня, когда я увидел, как я открыл дверь. Я сполз с машины и попытался бежать, но ноги мои онемели от неудобной позы и окоченели от холода, я еле ковылял, в темноте я не разглядел дорожного знака и налетел на него, знак ударил меня в лицо, и я упал. Я подбежал к себе, лежащему на земле, плачущему, хотел его поднять, но я вскочил и кинулся к окружающим лесопилку баракам.

Кожа на лбу маленького Гуса была рассечена, он здорово треснул о знак, лицо заливала кровь. Он бежал в темноту, и я знал, куда он бежит. Я должен был догнать его, расска-

зять, объяснить ему, почему я не могу остаться.

Я долго бежал вдоль забора, пока не нашел дыру снизу. Опустился на землю и протиснулся под перекладиной, вымазав всю одежду. Зато теперь я был со стороны лесопилки, в зарослях сумаха и чертополоха. Пробежав еще немного, я оказался у чертова пруда. Тогда я сел на землю и уставился на черную воду. Я плакал.

Я шел по следу до самого пруда. Мне пришлось гораздо дольше перелезть через забор, чем ему пролазить под ним. Когда я вышел к пруду, он сидел, закусив травинку осоки, и тихо плакал.

Я слышал его шаги, но не обернулся.

Я подошел и присел рядом с ним.

– Эй, – позвал я негромко. – Эй, маленький Гус! Ни за что не повернусь. Ни за что.

Я позвал его еще раз, потом тронул за плечо, и он вдруг бросился ко мне на грудь и зарыдал, повторяя снова и снова:

– Не уходи, пожалуйста, не уходи, возьми меня с собой, только не оставляй меня здесь...

Я тоже плакал. Я обнимал маленького Гуса, гладил его по волосам и чувствовал, как он изо всех сил прижимается ко мне, сильнее, чем может прижиматься семилетний мальчик, и я попытался объяснить ему, как все было и будет.

– Гус, эй, маленький Гус, послушай... Я хочу остаться, ты знаешь, что я хочу остаться... но я не могу.

Я поднял голову. Он тоже плакал. Было непривычно ви-

деть, как плачет взрослый, и я сказал:

– Если ты уйдешь, я обязательно умру. Обязательно!

Я понял, что объяснить ничего не удастся. Он просто был еще очень маленький. Он не мог понять.

Он расцепил мои руки и положил их мне на колени. Потом встал. Он собирался уйти от меня. Я понял. Я перестал плакать. Он не увидит моих слез.

Я посмотрел на него. В лунном свете его лицо казалось бледным фотоснимком. Я не ошибся. Он сумеет понять. Дети всегда понимают. Я повернулся и побрел назад по тропинке. Маленький Гус остался. Сидел и смотрел мне вслед. Я только один раз обернулся. Он сидел в той же позе.

Я смотрел, как он уходит. Он был моим другом. Но он оказался слюнтяй. Настоящий. Я ему докажу! Я ему взаправду докажу! Я уйду отсюда, сбегу, стану знаменитым, прославлюсь, а потом где-нибудь его встречу, он протянет мне руку, а я в него плюну. А потом поколочу.

Он дошел до конца тропинки и скрылся из виду. Я еще долго сидел возле пруда. Пока совсем не замерз.

Я сел в машину и поехал искать дорогу назад, в будущее, которому я принадлежал. Ничего особенного, но другого у меня не было. И я его найду... Драгун был еще у меня... предстояло немало остановок на пути к самому себе. Наверное, Канзас; наверное, Матавачан, Онтарио, Канада; наверное, Галвестон; наверное, Шелби, Северная Каролина.

Плача, я ехал. Мне было жалко не себя, нет, мне было

жалко себя, маленького Гуса, я плакал из-за того, что я ему сделал, кем заставил стать. Гус... Гус!

Но... о Боже, а если я приеду еще... и еще? Неожиданно дорога стала незнакомой.